

А. Н. В Л А С О В

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ*

(КРАТКИЙ ОБЗОР МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ, СОБРАНИЙ
И ПУБЛИКАЦИЙ КРАЕВЕДОВ СЕВЕРНОЙ РОССИИ.
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ)

В рамках научной программы «Свод русского фольклора» сотрудниками ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН были предприняты широкомасштабные поиски фольклорных источников в известных государственных архивах и хранилищах (Архив РГО, РО ИРЛИ и Фонограммархив ИРЛИ, Карельский ИЯЛИ РАН, Фольклорная комиссия Союза композиторов РФ, Государственный литературный музей, ОР РГБ и др.) и в вузовских фольклорных архивах (МГУ, СПбГК, МГК, Института им. Гнесиных и т. д.).¹ Кроме известных фольклорных собраний планомерное и систематическое выявление фольклорно-этнографических источников было начато в музейных хранилищах, школьных коллекциях, библиотеках, частных собраниях краеведов Ленского (с. Яренск), Котласского (г. Сольвычегодск), Вилегодского (с. Ильинско-Подомское), Красноборского, Вельского (Вельск и Шенкурск), Каргопольского, Верхне-Тоемского, Виноградовского, Приморского районов Архангельской области, Тотемского, Верховажского, Никольского, Тарногского районов Вологодской обла-

* Статья выполнена при финансовой поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), грант № 11-04-00284.

¹ Обзор известных фольклорных архивов содержится в статье: *Ипполитова А. Б.* Роль фольклорных архивов в современной фольклористической практике // От конгресса к конгрессу: Навстречу Второму Всероссийскому конгрессу фольклористов. М., 2010. С. 174—183.

сти, Орловского, Котельнического, Лузского (Лальск) районов Кировской области.²

Предпринятая программа по выявлению фольклорно-этнографических источников показала, что все эти материалы дошли до нас в разнообразных письменных жанровых формах: этнографические очерки, отдельные главы в составе исторического исследования местного краеведа, публикации (статьи) в краеведческих сборниках или альманахах, в письменных воспоминаниях местных жителей, словарях местного говора, в практике составления фамильных родословных, полевых записях музейных сотрудников или любителей, сборниках одного составителя, репертуарных сборниках с самозаписью исполнителей и т. п. В редких случаях фольклорные записи хранятся на звуковых носителях, которые были обнаружены лишь в Сольвычегодском историко-художественном музее, Красноборском краеведческом музее и Афанасьевском музее.

Нет никакого сомнения в том, что этот аспект собирательской практики был всегда в поле зрения серьезных исследователей: репертуарные сборники и сборники с самозаписями исполнителей (их копии) привозятся почти из каждой фольклорной экспедиции. По нашим наблюдениям, подобные фольклорно-этнографические записи за последние 50 лет приобрели характер массового явления, которое иногда обозначается понятием «наивная» фольклористика.³ Ранние записи, хранящиеся в музеях, относятся к началу прошлого столетия, а наибольшее их количество приходится на его вторую половину (1960—1990-е гг.). И все же эти материалы остаются на периферии современных исследований, поскольку пока не входят в сферу прямых интересов собирателей фольклора.

Этому отношению существует множество объяснений. Одно из них заключается в недостаточной аутентичности данных записей, в непрофессиональном подходе к записи фольклорного текста или этнографического репортажа со стороны местного собирателя (любителя, краеведа), поскольку им иногда допускалось прямое вмешательство в текст с целью «улучшить» его понимание, зачастую игнорировались паспортные данные об исполнителях и указания на место записи. Такие записи с точки зрения профессиональных фольклористов считаются недостоверными и сомнительными. По этой причине, как правило, мало что из этих материалов попадает в серьезные фольклористические издания.

И все же это явление заслуживает внимательного отношения со стороны исследователей-фольклористов, и его следует харак-

² В экспедициях принимали участие: Е. А. Дорохова, А. И. Васкул, С. А. Жадовская, И. В. Козлова и студенты РГПУ им. А. И. Герцена.

³ См. рубрику «Наивная» фольклористика // Живая старина. 2010. № 1. С. 2—22.

теризовать как процесс саморефлексии традиции, так как материалы широко публикуют в массовых исторических изданиях и серийных сборниках, а также в местной краеведческой литературе. Назовем только некоторые из них.

К явно неудачным издательским опытам за последние годы относятся такие местные публикации, как «К истокам народной мудрости : Сборник старинных песен, частушек из собрания В. В. Логачевой» (Каргополь, 1993); «Записки краеведа : (Из наследия С. Г. Третьякова)» (Верхняя Тойма, 2008); *Тунгусов А. А.* «Кабы не Арза не река» (Архангельск, 2005).⁴ По материалам групповых поездок этнографов, объединившихся позднее в «Морское товарищество», была издана книга: «Не век жить — век вспоминать : Народная культура Поонежья и Онежского Поморья : (По материалам Онежских экспедиций)» (Онега; Архангельск; Москва, 2006), представляющая собой странное в жанровом отношении сооружение. В ней составители предлагают вниманию читателей воспоминания жителей Поонежья и онежского Поморья. Эти рассказы собраны в результате историко-этнографических экспедиций 1987—2001 гг., проводившихся Онежским историко-мемориальным музеем, Соловецким музеем-заповедником, Архангельским областным центром христианской культуры. Книга построена по территориальному принципу. Основу каждой главы составляют воспоминания местных жителей, записанные в ходе экспедиций. При этом максимально точно сохранялись лексика и стилистика речи, а фонетика адаптировалась к книжному написанию. Глава заканчивается краткой исторической справкой, составленной на основе привлеченных источников. К сожалению, публикации фольклорных (песенных) текстов, вопреки заявлению составителей книги, не выдерживают никакой критики, поскольку носят случайный характер.⁵

Чрезвычайно распространен в местной издательской практике книжный жанр «записки краеведа», представляющий собой синтетическое образование из бытового и этнографического очерка, «дневника», мемуаров, официальных «памятных книжек о местном крае»: *Тунгусов А.* Мой Верхнетоемский район : Записки краеведа. Архангельск, 2001; *Седова Е.* Черевково — Ракулка : Материалы к краеведению. Архангельск, 2008; *Кокорина Д. А.* 1) Малая Пинежка: (Очерки краеведа). Котлас, б/г; 2) Шершавое

⁴ См.: Александр Александрович Тунгусов // Библиографический указатель литературы. Архангельск, 2002.

⁵ В Соловецком музее-заповеднике были обнаружены дневники участников этнографических экспедиций в Плесецкий, Каргопольский (ф. 2, оп. 1, № 148), Мезенский (ф. 2, оп. 1, № 131), Верхнетоемский, Онежский районы в конце 70—80 гг. XX в., но среди этих материалов нет фольклорных текстов.

детство. Котлас, 2006; 3) «Деревня моя, очень древняя — дальняя». Котлас, б/г; 4) «Неровные и скромные следы» : (О судьбах земляков) : Записки краеведа. Котлас, 2002. К столь же сомнительным попыткам относится публикация материалов «Из записных книжек» краеведа и писателя Л. А. Полушина на страницах научного альманаха «Традиционная культура».⁶ К серьезным краеведческим опытам, казалось бы, можно отнести публикации тотемского краеведа А. В. Кузнецова, но и в них использованный фольклорный и этнографический материал не имеет отсылок на подлинные источники или фольклорные записи и, кроме того, претерпел литературную обработку автором. Показательна именно последняя книга краеведа «Легенды, предания и были Тотемского уезда»,⁷ представляющая собой сборник небольших рассказов из жизни Тотемского края, которые расположены в алфавитном порядке и напоминают азбучный патерик. В заключении Кузнецов прозрачно намекает на особую композицию своей книги и ее художественные особенности: «Надеюсь, что к концу книги читатели постепенно все-таки разобрались в некоторых особенностях „амадизации“⁸ моего произведения. Тотемские легенды, предания и были от А до Я прошли перед вами из далекого прошлого до наших дней. Нужно еще отметить, что книга состоит из трех основных компонентов — легендарного, научного и художественного. В каждой из 33 глав их соотношение строится по-разному: где-то преобладают научные истоки, где-то во главу угла поставлены старинные народные легенды и предания, а где-то ваш автор дал волю своей фантазии. Думаю, читателям будет под силу самим разобраться в этих хитросплетениях жанров. Если у кого-то после знакомства с книгой возникнут замечания, дополнения или исправления — я с удовольствием их приму и отнесусь со вниманием к любому отклику».⁹ Им же подготовлено издание «Любовные письма тотемского подьячего Арефы Малевинского к девице Аннице сестре дьякона Воскресенской церкви, писанные летом 1686 года» с предисловием и комментариями, условно составленными А. В. Кузнецовым (Вологда, 2004).¹⁰

⁶ Каргин А. С., Шевелева Н. М. Фольклорные картинки Л. А. Полушина; Полушин Л. А. 1) Заговоры : (Очерк); 2) Пословицы и поговорки : (Очерк) : Из записных книжек писателя // Научный альманах : Традиционная культура. 2005. № 4 (20). С. 50—51; 52—59; 59—64.

⁷ Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005.

⁸ Предполагаю, образовано от имени героя средневекового испанского рыцарского романа Амадиса.

⁹ Кузнецов А. В. Легенды, предания и были Тотемского уезда. Вологда, 2005. С. 169.

¹⁰ Публикация представляет собой неточное переиздание статьи: Панкратова Н. П. Любовные письма Арефы Малевинского // ТОДРЛ.

К числу местных относятся также такие малопримечательные с фольклористической точки зрения издания, как брошюра краеведа С. А. Филиппова «Тотьма и ее исторические особенности» (Верховажье, 2001), книга В. Н. Филипповского «Страницы истории Верховажского края» (с. Верховажье, 1999); а также «Верхнетоемские частушки» (Архангельск, 1991) с вступительной статьей Е. К. Рассказовой (без комментариев);¹¹ С. Третьякова «Записки краеведа» (В. Тойма, 2008).¹²

М.; Л., 1962. Т. 18. С. 233—239. У переиздателя нет указания на источник (ОР РНБ, Собрание актов и грамот Зинченко, № 981. Дело Архиепископского разряда, 1686 г. «Дело Устюжского Архиепископского разряда между тотемцем Арефой Малевинским и тотемским дьяконом Михаилом Федотовым об отказе Малевинского жениться на сестре челобитчика, согласно сговорной записи»), а также неправильно указано название ежегодника «Труды Отдела древнерусской литературы», надеемся не специально, — «Древнерусская литература».

¹¹ В сборник вошли частушки из коллекции Зинаиды Петровны Некрасовой, а также записи студентов Поморского гос. пед. ун-та (1979—1989).

¹² Для того чтобы представить известное нам явление не только севернорусскими материалами, приведем пример издания книги Н. П. Грозиной «История села Беляковского» (Екатеринбург, 1997). Краевед из села Беляковского Талицкого района Свердловской области использует различные архивные документы, историческую литературу, собственные воспоминания и воспоминания старожилов. «История села Беляковского» в жанровом отношении может быть определена как народные мемуары.

«Жанр народных мемуаров возник в результате столкновения традиционной крестьянской культуры с культурой письменной, как правило, церковной. Овладение письмом как главной формой выражения недеревенской культуры позволяет носителю крестьянской культуры взглянуть на нее извне, почувствовать ее необычность, своеобразие. Народный мемуарист — человек, находящийся одновременно в двух культурах, точнее, отчасти покинувший одну культуру — крестьянскую и пытающийся включиться в другую культуру — письменную. Такой человек пользуется формами и приемами письменной культуры (может быть, не всегда искусно), но, сохраняя мироощущение и все бессознательные ценностные установки носителя традиционной культуры, создает произведение именно традиционной крестьянской культуры, пусть даже внешне, по форме подобное тексту письменной культуры. „История села Беляевского“ Т. П. Грозиной, конечно, в значительно большей степени, чем дореволюционные крестьянские мемуары, обнаруживает влияние письменной культуры, однако собственные впечатления и опора на рассказы стариков делают доминантой книги именно традиционное мироощущение. По широте и глубине охвата различных сторон крестьянской жизни „Историю села Беляковского“ можно также рассматривать как своего рода энциклопедию традиционной народной культуры Урала» (*Востриков О. В.* Об авторе и жанре книги «История села Беляковского» // Грозина Н. П. История села Беляковского. Екатеринбург, 1997. С. 141—142.

К сожалению, использовать такие издания в качестве источников для исследовательской работы фольклористов практически невозможно. От этих краеведческих изданий на местах выгодно отличается книга московского исследователя В. И. Щипина «История Черевковской волости» (с. Красноборск, 2008).

К более или менее удачным опытам относится также новое издание «Свадьбы в Кокшеньге» М. Б. Едемского (Вологда, 2002).¹³ Составители предложили и некоторые принципы переиздания, которые сводятся к тому, что при соблюдении точности авторского текста переиздание снабжено комментариями. Но заметим, что при этом нет даже намека на сравнительно-текстологический анализ фольклорных источников, чтобы определить степень аутентичности записей Едемского и сохранности песенных сюжетов, а также языковых особенностей фольклорных текстов.¹⁴

Отдельного разговора заслуживают предпринимающиеся в регионах попытки издания серий краеведческих альманахов (например, «Старинные города Вологодской области»¹⁵ и др.), к разряду любопытных изданий о местном крае относятся три выпуска «Тотьма : Историко-литературный альманах» (Вологда, 1995. Вып. 1); «Тотьма : Краеведческий альманах» (Вологда, 1997. Вып. 2); «Тотьма : Краеведческий альманах» (Вологда, 2001. Вып. 3). В альманахе кроме статей современных авторов-краеведов и сотрудников музея публикуются архивные материалы, в частности книга тотемского краеведа Д. А. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (1915—1929) и биографическая статья С. П. Белова о тотемском краеведе «Дмитрий Александрович Григоров

¹³ По словам издателей, оно «открывает целую серию публикаций „Традиционная культура провинции в записях начала XX века“, целью которых является систематизированное издание неизвестных современному читателю архивных материалов, коллекций фольклорных записей и переиздание малоизвестных и малодоступных печатных работ краеведов, этнографов и фольклористов, посвятивших свою жизнь изучению традиций, быта, многогранной народной культуры Вологодского края» (*Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; Отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002. С. 5*).

¹⁴ Даже статья, специально посвященная разбору публикации М. Б. Едемского, в должной мере не затрагивает этих вопросов (*Вавилова М. А. Свадьба в Кокшеньге в записи М. Б. Едемского : К проблеме интерпретации фольклорного текста // Тотьма : Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 3. С. 151—179*).

¹⁵ В 1992 г. публикацией первого выпуска историко-краеведческого альманаха «Устюжна» открылось издание серии «Старинные города Вологодской области». В 1994 г. вышли в свет следующие книги: «Устюжна» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 1), «Белозерье» (Вып. 1), «Кириллов» (Вып. 1). В 1995 г. изданы: «Тотьма» (Вып. 1), «Великий Устюг» (Вып. 1), «Устюжна» (Вып. 3), «Вожега». В 1996 г. — «Череповец» (Вып. 1). В 1997 г. — «Кириллов» (Вып. 2), «Вологда» (Вып. 2), «Тотьма» (Вып. 2) и др.

и его книга о Тотьме». Кроме того, там же, как правило, публикуются труды местных краеведов, в том числе и записи фольклорно-этнографического материала.¹⁶

Собирание подобного рода местной полиграфической продукции несомненно важно сразу по нескольким причинам: подавляющее число этих изданий не попадает в поле зрения исследователей, и они почти сразу становятся библиографической редкостью, между тем в них могут содержаться новые источники по истории культуры края, кроме того, подобные издания достаточно ярко отражают механизмы «саморефлексии традиции» в лице местных авторов и составителей.

Обратимся непосредственно к выявленным источникам.

В Яренском краеведческом музее Ленского района Архангельской области было обнаружено несколько книг исторических очерков Н. М. Голенева о г. Яренске, среди которых есть воспоминания о с. Софроновка. В этом историко-этнографическом очерке описаны быт, настроения, развлечения сельской молодежи начала XX в., много мелких жизненных подробностей и сцен, которые, как правило, со временем исчезают в устных рассказах информантов. Кроме того, автором приведено несколько песенных текстов.¹⁷

Там же хранится тетрадь,¹⁸ содержащая практически полный песенный репертуар с. Выемково, — до 75 сюжетов народных песен. Сборник составлен приблизительно в 60-е гг. XX в. О. М. Селивановой со слов матери Анисьи Михайловны Качевой (1878 г. р.). Факт, что сборник был составлен не фольклористом-собирателем, позволяет нам утверждать, что перед нами, хоть и в опосредованном виде (материал записан не самим носителем, а с ее слов — членом семьи), письменно зафиксированное явление фольклорной самоидентификации (самозаписи). Сборник представляет собой как бы фотографический снимок

¹⁶ См., например: *Желтов А. А.* Исследования Г. Н. Потанина по этнографии Никольского уезда Вологодской губернии; *Потанин Г. Н.* Никольский уезд и его жители // *Никольская старина* : Исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 297—355.

¹⁷ Очерк был опубликован в краеведческом альманахе «Еренский городок», представляющем собой самиздат при районной библиотеке (*Голенев Н. А.* Софроновка : (История деревни) // *Еренский городок* : Краеведческий альманах. Яренск, 2000. Вып. 1. С. 5—30). Известно всего 4 выпуска альманаха.

¹⁸ Тетрадь состоит из трех частей: в первой части помещено описание начальных этапов свадебного обряда и относящихся к нему песенных форм, во вторую — под названием «Проголосные-напевные» включены необрядовые лирические песни, третья — «Хороводные песни» — содержит тексты игровых и собственно хороводных песен. Тетрадь не имеет фондового номера.

традиции и дает субъективное видение и восприятие устной традиции одним из ее представителей. Специфика подачи материала (выбор и расположение песен в сборнике, комментарии составителя, самоопределение жанра и т. д.) позволяет судить о динамике устной традиции и механизмах ее существования на синхронном уровне.

В школьном музее с. Козьино Ленского района силами краеведческого кружка была собрана фольклорная коллекция. В состав ее входят около 22 песенных текстов и этнографические репортажи, записанные учениками от своих родственников. Конечно, все эти записи требуют тщательной проверки и идентификации с известными аутентичными записями, сделанными профессиональными фольклористами, но тем не менее среди них могут быть весьма интересные и, возможно, наиболее полные варианты текстов.¹⁹ Естественно, материалы из школьной коллекции могут только частично, после серьезной проверки, привлекаться к изданию сборников текстов.

В том же качестве возможно привлечение записей, сделанных клубными работниками и участниками местных клубных фольклорных коллективов. Примером такого сборника текстов в Ленском районе может служить репертуарный сборник Галины Васильевны Широких, бывшего руководителя фольклорного коллектива Яренского дома культуры. Сборник содержит традиционные свадебные, хороводно-игровые и лирические песни, по уверению составительницы, она их запомнила еще в детстве от своей бабушки.²⁰ Усвоенные через поколение (от бабушки) традиционные песни и фольклорное знание в контексте современной

¹⁹ Так, например, нами были обнаружены редкие для местной традиции «Виноградье» (малое) и текст игрового сюжета «Как у наших у ворот» и т. д.

²⁰ Широких Галина Васильевна, 1915 г. р., из д. Лантыш Ленского района Архангельской области. Петь ее учила бабушка, от нее она и знает в основном весь местный песенный репертуар. «Раньше в одной деревне эти песни так поют, в другой смотришь — иначе» (РГПУ 2 ФА 03-26). Обучалась она в то время, когда прядла или ходила в гости к своим подругам. Слышала, как поют на свадьбе, позже сама стала подпевать. Г. В. прошла традиционную школу обучения народному пению. С 1943 г. она стала участвовать в районном народном хоре, репертуар которого состоял из традиционных и современных песен. Позже Г. В. стала руководителем яренского хора. Таким образом, с народным хором с. Яренска связана ее сознательная певческая деятельность. Еще в детстве она была свидетельницей всех деревенских праздничных гуляний. С 14 лет Г. В. покинула родную деревню и получила профессию учительницы младших классов, принимала активное участие в школьной самодеятельности. При исполнении традиционных песен Г. В. склонна к комментированию (уточнению обрядового смысла песен) или пояснению устаревшей лексики. В ее репертуар входят 12 свадебных, 10 хороводно-игровых и 3 лирические песни.

массовой клубной культуры приобрели непривычные для традиции формы. Поэтому составленный для памяти репертуарный сборник сыграл роль письменного свидетельства «живой» старины. При сопоставлении вариантов песен в записи от Широких с другими исполнителями того же района можно заключить, что текстовые варианты Г. В. Широких претерпели некоторые изменения в сторону упрощения, ясности сюжета, в них намечается тенденция к потере местных диалектных черт и композиционной универсальности. Все эти изменения связаны с исполнением фольклора на клубной сцене. Таким образом, Г. В. Широких входит в категорию таких поздних исполнителей, которые помимо своей воли пережили деформацию принципов функционирования, трансляции традиционных фольклорных форм. Она явилась непосредственной участницей тенденций, направленных на разрушение традиции. Г. В. Широких в этом процессе разрушения сыграла роль неосознанного культуртрегера, популяризируя традицию как некую экзотику. Такие исполнители завершают традицию. Являясь, с одной стороны, ее последними представителями, с другой стороны, — новаторами, они приспособливают фольклорные произведения к жизни в несвойственной им сценической функции, унифицируя эту традицию до тиражирования одного варианта устных текстов, как в письменной культуре.

Таким образом, подобные записи можно относить в равной степени как к области непрофессиональной фольклористической деятельности, так и к явлениям современной субкультуры.

В Вельском краеведческом музее также были обнаружены материалы, представляющие интерес для фольклориста.²¹ К ним относятся: Сборник песен в записях И. И. Могутова (ВКМ н-всп. 1872/1—1876);²² Сборник исторических преданий Устьянского края; коллекция фольклорно-этнографических материалов краеведа М. И. Романова; Сборник обрядово-бытовых песен Вельского уезда (с нотировкой) (машинопись ВКМ 9115); фольклорный фонд Марии Ильиничны Шалауровой-Федоровой (1878 г. р.), включающий описание свадебного обряда Вельского уезда (ВКМ 9114); записи песенного фольклора, сказок и народных преданий из Устьянского, Шенкурского и Ровдинского районов 1939—1940 гг. (ВКМ 9116); записи разных фольклорных жанров (по-

²¹ Одной из самых ранних публикаций местного фольклора является публикация П. Вороновым свадебного причета. См.: *Воронов П.* Вельск, уездный город Вологодской губернии // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1859. Ч. 25. С. 95—118.

²² И. И. Могутов, вельский краевед, оставил записи — «Старые народные песни моего века (1920—1930 гг.):» песни литературного происхождения, романсы, протяжные, игровые, свадебные, частушки.

бывальщины, приговоры) от жителей с. Орлово в 1937 г. (ВКМ 9120) и др. Кроме того, среди рукописей были обнаружены тетради с заговорами XVIII—XIX вв., сборник М. И. Кузнецова 1970 г. «Игровые песни Устьянского района Архангельской области» (без шифра), в фонде Романова хранится рукопись А. Шустикова «Сказания и сказки Вельского уезда, записанные со слов крестьянина дер. Велико-Никольской Степана Орлова» и жителей других деревень (ВКМ н-всп. 1511). Обозревая фольклорные коллекции Вельского музея, необходимо отметить, что несколько лет назад там погибли в пожаре уникальные звуковые записи, переданные местным энтузиастом и любителем-фольклористом А. М. Келаревым.

Наиболее значимой фигурой в местном краеведческом движении был Михаил Иванович Романов (1886—1956).²³ Из его трудов при жизни были изданы лишь «История одного северного захолюстья» (В. Устюг, 1925), описание коновальского обряда и сказка «Топорик-самосек» в литературном альманахе «Север» за 1936 г.²⁴ Позднее были опубликованы «Родовая повесть семьи Романовых из устьянской деревни Алферовская Архангельской области XVII—XX вв.» (М., 2004) и «Хроника старого дома» (самиздат, б/д).²⁵ Свои основные краеведческие материалы: сборник «Фольклор Устьи»²⁶ и «Словарь Устьянских говоров»²⁷ он еще при жизни передал в Рукописный отдел ИРЛИ РАН.²⁸ Романова знали и старались помочь ему известные историки М. М. Богословский и Н. В. Устюгов, археолог А. А. Спицин, фольклористы А. М. Астахова и М. К. Азадовский, языковеды-академики С. П. Обнорский и В. В. Виноградов. Главная ценность «Фольклора Устьи» — наиболее законченного труда (из двадцати очерков отсутствуют лишь три) — заключается в уникальности собранных Романовым материалов: песен, сказок, приворотов, названий бесконечных ручейков, горюшек, выгонов. Романов по

²³ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов — выдающийся краевед Русского Севера : Штрихи к портрету. Вельск, 2006.

²⁴ Север. 1936. С. 116—123.

²⁵ Список опубликованных работ см.: *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов. С. 23—24.

²⁶ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устьи.

²⁷ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 5. М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров : Народные говоры по реке Устья: Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Материалы поступили в 1986 г. № 52, 338 с. В состав рукописи входят также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен в народном произношении Устьянских волостей (л. 339—347); 2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» (Пежма, 1950. 66 с.).

²⁸ О чем свидетельствует письмо М. К. Азадовского, зав. Отделом фольклора, от 8 июля 1936 г.

сути осуществил на практике сложнейший полевой метод «вживания» в традицию в течение почти двух десятилетий.

В своих исследованиях Романов использовал так называемый краеведческий метод анализа и систематизации огромного и разнородного материала, отличие которого он видел «в том, что ученый специалист берет свой материал отовсюду; краевед же в пространственном отношении ограничен. Его задача — дать облик определенной и необширной местности, представляющей целостную единицу...».²⁹ Поэтому краевед решался на широкие параллели и обобщения, на попытки выявить взаимосвязи между, казалось бы, далекими явлениями народной культуры: фольклорными образами и орнаментом на одежде, устойчивыми мотивами в резьбе прялок и домов, обычаями и верованиями, особенностями местного словоупотребления. Он предпринял попытку реконструировать целостный мир народной культуры Устьянского края.³⁰ Наряду с весьма курьезными размышлениями относительно генезиса фольклора,³¹ неприятием компаративистики как одного из ведущих методов в фольклористике и так называемой расовой теории,³² у него встречаются откровенно наивные

²⁹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 5.

³⁰ *Веревкина Г. А., Мильчик М. И.* Михаил Иванович Романов. С. 16—17.

³¹ Так, у Романова читаем: «Словотворчество было в первобытные времена не обыденным и не легким делом. Каждое слово изобреталось с не меньшим трудом, чем более поздние достижения материальной культуры — орудия, оружие, металлы, машины. Каждое новое слово, как великое изобретение, начинало совершать во вселенной, населенной людьми, владеющими только ручной речью, тот же путь, какой совершали и достижения материальной культуры: огонь, каменные орудия, горшечное искусство и т. д. Вместе со словами бродили по всему миру и заключенные в них магические настроения и понятия, выродившиеся впоследствии в мифы»; «Творцом отдельного нового слова могла быть каждый раз новая человеческая группа, но не племенная. Племен не было, потому что не было еще отдельных звуковых языков. По всему миру обитала одна человеческая „раса“, объяснявшаяся всем понятной речью жестов и мимики. В эту „речь“ только постепенно, поодиночке, внедрялись „жуткие“, священные и не всем доступные магические слова звуковой речи. Следовательно, не может быть речи о заимствовании фольклорных тем от каких-то „избранных“ рас, не может быть речи и о существовании самих рас в те эпохи, когда разговорная речь формировалась и закладывались основные споры фольклорных тем. Раса — явление очень позднего времени» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 58).

³² «Не отрицая полезности и необходимости работы по сравнению фольклорных тем, бытующих у всех народов земли, необходимо признать, однако, что компаративистика привела, с одной стороны, к сухому и мертвому формализму, с другой — к фашизму, признающему творцом фольклорных тем „избранные расы“ и „благородные классы“. Не удовлетворяет и научно отвергнутая мифологическая школа, выводящая фольклор из „творческого духа народа“, именно, своего народа, считающая его

реконструкции в духе известного марровского направления в лингвистике, приводившие его к весьма сомнительным выводам.³³

В Каргопольском районе нами были также зафиксированы ценнейшие документы местных архивов, в том числе ранее неизвестные переделки былин и записи сказок местных краеведов. К ним относится коллекция фольклорных материалов 20—30-х гг. XX в. каргопольского краеведа И. И. Рудометова (1891—?), состоящая из 18 тетрадей сказочной прозы и 11 сюжетов былин. В 1919 г. в типографии Каргопольского уездного отдела народного образования была издана его книга «Каргопольский край».³⁴ В предисловии автор предупреждает читателей, что в сборнике нет полной картины жизни всего уезда. Однако имея целью показать жизнь глухого края накануне революции, он решил выпустить в свет настоящую книгу, написанную за время с 1911 по 1915 г., намереваясь потом продолжить и дополнить ее новыми бытовыми очерками, рисующими жизнь народную уже в Советской Республике. В послесловии книги И. И. Рудометов между прочим отмечает, что назрела потребность в изучении родиноведения, а никаких серьезных пособий нет и что если в других губерниях и уездах будут написаны подобного рода очер-

осколками былой мифологии, именно, мифологии своего народа. Фактов заимствования нельзя отрицать, но нельзя и подчинять им всю область фольклора... Это объясняется не заимствованием, а одинаковой стадией культурного развития. Так что корни однородных сказочных тем могут залегать именно в древней культовой подпочве. Подпочва же эта создавалась не одной „избранной расой“ и не одним „благородным классом“, до днесь существующим, а длинным рядом сменившихся, прогрессирующих и смешивавшихся между собой „рас“, и даже не рас, а стадияльных состояний человечества. Когда закладывалась эта общая сокровищница, рас еще не было, не было еще „ни эллина, ни иудея“, ни германца, ни славянина» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 290).

³³ См., как, например, интерпретирует Романов текст детской заклички: «Судя по одной детской песенке-заклинанию, радуге придавалось, однако, большое значение: Радуга-дуга, / Не давай дождя, / Давай солнышка / Из-под бревнышка. Радуга представляется тут распорядительницей над дождем и солнцем, может дать по произволу или то, или иное. Непонятным представляется, в ее прямом смысле, последняя строчка. Возможно, что последнее слово нужно производить не от „бревно“, а от „бровь“. Солнце представляется как бы глазом неба, который в ненастную погоду закрывается наспуленную бровью, а в ясную выглядывает из-под нее. Такое представление о солнце вытекает из самой палеонтологии этого слова» (РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 4. Фольклор Устья, л. 129).

³⁴ В содержание ее входят очерки «В Каргополе», «У жаждущих», «Между старым и новым», «Старинное село», «Лесные люди», «Тайна болот», «Обновление жизни» (*Рудометов И. И.* Каргопольский край. Каргополь, 1919).

ки, то это даст обширный материал, представляющий огромный интерес для изучения истории края. Этнографические очерки И. И. Рудометова публиковались в «Вестнике Олонецкого губернского земства».

Судьба И. И. Рудометова чрезвычайно интересна, как и многих северных народоведов.³⁵ И. И. Рудометов был знаком с каргопольским краеведом К. А. Докучаевым-Басковым.

Надо сказать, что неопубликованные рукописные тексты былин и сказок претерпели осознанную переработку И. И. Рудометова. Более того, в предисловии к подготовленным для публикации текстам былин он пишет об исторической неосведомленности поздних сказителей, которые в своем творчестве искажают «старинные сказания», и упрекает собирателей, которые записывают такие псевдоисторические тексты: «Все они говорят прежде всего об усердии „собираателей“ былин, которые, проявляя ревность/резвость не по разуму, иногда записывали буквально всякое слово, исходящее из уст „сказителей и сказительниц“, и тем самым нередко засоряли ниву народного творчества. В настоящее время необходимо расчистить эту ниву. С этой целью следует прежде всего сделать пересмотр творчества псевдосказителей, подходя к нему с научной точки зрения, и тем самым восстановить образы старины, очистить их от всех последующих наслоений. Настоящая книжка и является одной из попыток в этом деле».³⁶ Замечание откровенное, но, к сожалению, типичное, отражающее вообще отношение краеведов к профессиональным научным исследованиям. И далее, опираясь на тексты былин из популярных изданий начала XX в., он предпринимает псевдоисторическую реконструкцию севернорусского эпоса по

³⁵ Из биографической справки, составленной Н. Проницовой (машинопись), мы узнаем: Иван Ильич Рудометов родился 2 ноября 1891 г. в деревне Софоновской Ловзангской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1910 г. И. И. Рудометов окончил Петрозаводскую учительскую семинарию. Работал он преподавателем русского языка и литературы в Каргопольском реальном училище, занимался изучением своего края. В 1923 г. И. И. Рудометов переехал в Москву, где преподавал в Сокольническом рабочем институте. Вечерами учился в Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова. Вел русский язык и литературу в вечернем техникуме. Методические статьи преподавателя публиковались в журнале «Русский язык в школе», в сборниках Академии педагогических наук. Русским писателям-краеведам он посвятил большое библиографическое обозрение. В конце 20-х гг. Ивана Ильича увлекли торфяные разработки. Двадцать лет посвятил он торфяному делу, написал более 70 научных статей и книг, стал кандидатом экономических наук. Работал сотрудником одного из научно-исследовательских институтов Москвы.

³⁶ Каргопольский краеведческий музей (ККМ) № 491. Рудометов И. И. Былины. М., 22 марта 1966. С. 2. (Машинопись).

примеру известного издателя популярного свода для юношества «Книги былин» В. П. Авенариуса. Однако при текстологическом сравнении былинных сюжетов в книге Рудометова и Авенариуса оказалось, что они не всегда восходят к одному и тому же печатному источнику.³⁷ Возможно, некоторые «переделки» былин у Рудометова восходят к устным вариантам.

Характерно, что поколение краеведов советской эпохи увлеклось историческими реконструкциями фольклорных источников. Сам факт таких «реконструкций» еще более углублял пропасть между профессиональными фольклористами и местными собирателями.

К числу местных краеведов советского времени принадлежит Тимофей Васильевич Ажгибков (1914—1994), «творческое наследие» которого было передано им самим в конце жизни в Верховажский районный исторический музей (ВРИМ).³⁸ Архивные материалы представляют около 30 рукописных тетрадей с записями автора, рисунки³⁹ и поделки из дерева и глины.

Необходимо подчеркнуть, что «записки» Т. В. Ажгибкова на протяжении всей его достаточно долгой жизни велись не систематически. Так, его краеведческие работы: «Верховажье в конце XIX—начале XX в. : (Социальный и культурно-бытовой очерк : 22 года жизни, 1895—1917 гг.)» датируется 1969—1970 гг.; «Материалы и документы крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX и I половина XX в. : (О людях близких и родных)» (ВРИМ. № 5057) — 1970—1971 гг.⁴⁰ Вторая тетрадь, очевидно, представляет собой продолжение предыдущей. Рукопись о Верховажском посаде состоит из несколь-

³⁷ Достаточно привести только оглавление: Вместо предисловия. 1. Пир у князя Владимира (вступление к былинам). А. Три дочери богатыря Микулы Селяниновича. 2. Добрыня Никитич и Настасья Микулична. 3. Добрыня и Алёша Попович. 4. Дунай Иванович и Марья Микулична. 5. Ставр Гоудинович и Василиса Микулична. 6. Смерть Василисы Микуличны. Б. Забава Путятична, племянница князя Владимира. 7. Добрыня Никитич и Змей Горыныч. 8. Бой Добрыни со Змеем Горынычем. 9. Соловей Будимирович. В. Другие богатыри. 10. Илья Муромец и Святогор богатырь. 11. Сухман богатырь (ККМ. № 491. С. 53).

³⁸ *Завьялова А. В.* Т. В. Ажгибков и его рукопись «Родословная крестьянской семьи Головачевых—Дружининских, II половина XIX—I половина XX в.» // Важский край : Источниковедение, история, культура : Исследования и материалы. Вельск, 2004. Вып. 2. С. 239.

³⁹ *Завьялова А. В.* Творчество наивных художников как отражение национальной самобытности русской души : (По материалам Верховажского районного исторического музея Вологодской области) // Важский край : Источниковедение, история, культура : Исследования и материалы. Вельск, 2002. Вып. 1. С. 123—125.

⁴⁰ Там же. С. 240—244.

ких небольших и разных по тематике очерков и воспоминаний старожилов, записанных с их слов составителем. Поэтому эти очерки представляют собой в стилистическом и композиционном плане авторский текст Т. В. Ажгибкова. «Рассказы бабушки Вари» — записи воспоминаний из жизни старой деревни.⁴¹ Интересно, что эти повествования выполнены в характерной стилевой манере — в форме воспоминаний свидетелей событий. В отличие от литературного приема, имитирующего объективность авторского повествования, в нашем случае Ажгибков действительно производит запись рассказов своих информантов. Насколько эти записи аутентичны? Вопрос остается открытым.⁴² То, что они литературно обработаны и в большей или меньшей степени композиционно подчинены воле составителя, Ажгибков даже не скрывает. У этих повествований Ажгибкова несомненно есть общее свойство, которое позволяет относиться к ним как к попытке местного бытописания, отличающегося от подобных опытов профессиональных литераторов гораздо большей степенью инклюзивности и точностью деталей в описании нравов, быта, культурного и природного ландшафта местного края.⁴³

Отметим, что в местном музее находится любопытная рукопись мемуаров Аф. Н. Степанова «Мой путь» (Курск, 1962) (ВРИМ б/ №), которая требует к себе особого внимания наряду с другими текстами народной мемуарной прозы.

При обследовании фондов в Красноборском музее нам удалось обнаружить рукописные материалы по истории быта местного населения, среди них: «Исторический очерк о Белой Слуде» неизвестного автора; очерки Н. П. Борисова «Быт северного крестьянства», «Летний день в крестьянской семье», «Зимний день в крестьянской семье», «О празднике Петрова дня», «Из истории Алексеевской волости», его же заметки о родословных жителей д. Усть-Евды, «Воспоминания о деревне Усть-Евде» (1983); «Воспоминания о Великом Устюге» (машинопись); очерки П. Зашихина «Дьявольское искушение старовера Копылова» (1957); «Былинный богатырь Иван Лобанов» (1983); «Первые насельники Севера»; «Рассказ бабушки Ненилы» (1962); исторические очерки о землепроходцах; запись сказки «Иван Дупленский» (456, ЗПГ); заметки по истории Красноборска; некоторые рукописи известного красноборского краеведа, основателя местного музея С. Тупицина «Канза — деревня древняя» (1988), Записки и очерки С. Тупицина «Об Уфтыге и уфтыужанах»; чер-

⁴¹ «Слушанья» на святки в Каргополье // Живая старина. 2009. № 1. С. 11.

⁴² Там же.

⁴³ Власов А. Н., Ахметова М. В. Тимофей Васильевич Ажгибков : Портрет локального бытописателя // Живая старина. 2010. № 1. С. 13—19.

новики газетных статей Тупицына, рукописные материалы краеведа Тупицына: волнения в Сольвычегодске 1648 г. (на ст. 208), Тупицын С. И. «Старообрядчество» (1996) (н. а. П-96); рукописи краеведа С. И. Кириллова (н. а. унт.-1); Рукописное собрание пословиц, собрал учитель П. А. Жигалов, 30—50 гг. (122 л.), собраны из разных источников, в том числе книжных, многие без указания источников; (на унт.-3); Рукописное собрание северных частушек А. Н. Сухановской датированы 1974 г. 350 ед. зап. (на унт.-4); старинные свадебные песни и обряды, записаны в 20-е гг. на Уфтюге О. А. Шестаковой (бывшая учительница); рукописный журнал «Юный краевед» 1961—1962 гг., содержащий выписки из рукописной книги о Соезерской пустыни, заметку С. Зашихина о купцах Гусельниковых; самиздат школьного кружка краеведов «Красноборские игры» (2006) и др.

В музее также хранятся расшифровки сотрудниками музея полевых записей с магнитных носителей: Фольклорно-этнографические материалы Новошинского с/с, 1992 г., включающие 462 ед. зап.: баллады, протяжные лирические песни, игровые, хороводные песни, шуточные песни, текст коледы, свадебные песни, причеты, частушки, песни позднего происхождения, романсы, детский фольклор (байки, колыбельные, прибаутки, потешки, считалки), загадки, поговорки, приметы, сказки, несказочная проза (былички, бывальщины, предания), заговоры, приметы, рассказы об играх, свадебном и календарном обряде, нравах, наигрыши на гармошке, суеверия, сведения о Бестужевской церкви и истории края и др.; Фольклорно-этнографические материалы Ляховского с/с, 1990-е гг. (РФ № 7. Ф. 01-03); Фольклорно-этнографические материалы Перморгского с/с, записи 1998 г. (ф. 10-01/10-03); Фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с, 450 ед. зап., запись 1991 г. (10-01, 04); Черевковский с/с (Ракулка), 680 ед. зап., запись 1995 г.; Фольклорно-этнографические материалы Черевковского с/с (Фомино), 194 ед. зап. 1998 г.

В Красноборске в районной библиотеке были обнаружены рукопись краеведа Павла Григорьевича Зашихина «История одного красноборского захолустья (о деревне Усть-Молома) и самиздат В. В. Копыткова «История деревень Ляхово» (Ляховский с/с, 1987), а также газетные вырезки и сведения о местных любителях старины.

В Черевковском филиале Красноборского музея хранятся материалы сказительницы Олимпиады Васильевны Антроповой (песни, сказки, рассказы); историко-этнографические записи местного краеведа В. А. Пономарева (1894—1971),⁴⁴ в том чис-

⁴⁴ Дело его жизни : К 115-летию В. А. Пономарева — основателя Черевковского музея : Буклет / Автор-сост. Т. В. Лапина. Черевково, 2009.

ле фольклорные тексты (легенда об атамане разбойничьей шайки Чевоче) и автобиографические записи, книга (машинопись) «История Черевковской волости» (Черевково, 1967).

В Верхнетоемском районе в музее с. Афанасьевское были обнаружены следующие материалы: тетрадь с записями поговорок и пословиц (собиратель неизвестен); тетрадь с записями частушек Александра Владимировича Шкрябина.

В Сольвычегодском историко-художественном музее (СИХМ) помимо старых фондов, включающих фольклорно-этнографические записи первой половины XX в., содержатся: экспедиционные материалы 1921 г. сотрудников музея под руководством И. И. Томского (СИХМ, ф. 2, о. 1, д. 28, 29), этнографический очерк Н. Н. Аруева «Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около города Сольвычегодска»⁴⁵ и несколько бытовых рассказов о северных крестьянах «Минувшее» 1924 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 5—6), «Пицкий клад» 1940 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 6, л. 16 об.—29), «Убийца (рассказ бывшего присяжного заседателя)» 1939 г. (СИХМ, ф. 3, о. 1, д. 6, л. 16 об.—29), «Два кума».⁴⁶ Несомненный интерес представляет собой коллекция фольклорно-этнографических записей 1990—2000-х гг., собранная сотрудниками музея в Вилегодском, Ленском, Котласском, Красноборском, Верхнетоемском районах ФА СИХМ, 0101—0116; 0301—0304; ВА СИХМ 01—07 (включает 40 ед. хр. на аудио- и видеоносителях). Следует отметить, что репортажные записи и записи текстов фольклора сделаны на достаточно высоком профессиональном уровне с использованием современной технической аппаратуры. Эти экспедиционные записи позволя-

В буклете содержатся краткие сведения о краеведе: «Василий Алексеевич Пономарев родился 10 февраля 1894 г. в д. Борисовской Холмовского общества Черевковской волости в семье крестьянина-бедняка. Отец его, Алексей Филиппович, был грамотным человеком. Мать, Анна Павловна, грамоты не знала. <...> Осенью 1909 г. поступил в Сольвычегодское городское четырехклассное училище. <...> В 1914 г. закончил двухгодичные педагогические курсы в Архангельске и до призыва в армию работал учителем в Кемском уезде. С 1915 г. служил в ротном полку фельдшером. После демобилизации работал учителем в школах Холмогорского, Устьянского, Черевковского районов. <...> Им были написаны: Наш Черевковский микрорайон (геологическое описание территории); Исторический очерк Северного края; История народного образования в уезде и нашей волости; и др. В 1967 г. — главный труд „История Черевковской волости“».

⁴⁵ Аруев Н. Н. Крестьянские свадьбы в дореволюционное время около гор. Сольвычегодска // Записки Северо-Двинского Общества изучения местного края. В. Устюг, 1928. С. 1—11. Вып. 5.

⁴⁶ На основе архивных материалов сотрудниками музея и привлеченными специалистами подготовлен к печати сборник: Музей в истории культуры Сольвычегодского края : Материалы и исследования / Автор., сост. А. Н. Власов, З. Н. Мехреньгина, И. Г. Котова, Е. А. Шевченко (2007).

ют дать достаточно полную характеристику состояния местной фольклорной традиции конца XX в.⁴⁷ Сотрудники музея практически владеют современной методикой собирательской работы.⁴⁸

К сожалению, на современной территории Европейского Севера среди когда-то известных очагов фольклорной культуры появились «белые пятна», в которых традиционная культура даже в форме письменной (архивной) памяти исчезла. Так, обследование Кеми не привело к серьезным результатам в поиске архивного фольклорно-этнографического и культурно-исторического материала. В местном музее, который был организован всего несколько лет назад на базе общественного музея, кроме предметов народного быта, нам не удалось найти записей фольклорного материала. В районной библиотеке и редакции газеты были обнаружены подборки материалов по истории и культурной жизни Кеми, малотиражные издания местных авторов (в основном поэтические сборники, воспоминания).⁴⁹

Часто свои материалы и труды краеведы по какой-либо причине не доверяют местному музею и передают их в областные и даже в столичные хранилища. Так, в Архангельском областном краеведческом музее были обнаружены рукописные материалы, присланные «с мест»: «Записки из жизни : Воспоминания о до-революционной жизни Кенозера» А. К. Шишкина, 1980 г. (ф. III, оп. 3, № 182); Деревня Волохница : (История. Коллективизация. Великая Отечественная война. Современность) Е. М. Перфильева, 1980 г. (ф. III, оп. 3, № 183); «Увезу тебя в тундру : (Доброй памяти о Земле Ненецкой)» В. И. Едовина, 1993 г. (ф. III, оп. 3, № 691); 975 песен-частушек, исполняемых в конце XIX—XX в. молодежью онежских деревень Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области. Пояснение к фольклорно-этнографическому очерку «Онежские вечеринки» И. И. Березина, 1981 г. (ф. III, оп. 3, № 83, 216); 117 русских народных песен, 2 хоровода, 9 романсов, записанных в Пудожском и Каргопольском

⁴⁷ Материалы Сольвычегодского музея широко используются в настоящее время при подготовке регионального фольклорного сборника участниками проекта «Музыкально-песенный фольклор нижней Вычегды» (грант РГНФ № 08-04-00114а).

⁴⁸ Например, З.Н. Мехреньгиной на основе собственных полевых разысканий подготовлен сборник сказочной прозы одного исполнителя, соответствующий всем современным нормам издания фольклорного материала. См. также публикацию: *Канева Т. С., Мехреньгина З. Н., Шевченко Е. А.* Часовни и кресты Малопинезья : (По следам экспедиции И. И. Томского) // Живая старина. 2004. № 2. С. 2—6.

⁴⁹ *Комелина Н. Г., Васкул А. И., Власов А. Н., Зверева Я. В.* Фольклорно-археографическая экспедиция на Терский берег Белого моря, в Соловецкий музей-заповедник и г. Кемь // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3. С. 224—231.

уездах Олонецкой губернии, детский фольклор, 1982 г. (ф. III, оп. 3, № 228); мемуары (ф. III, оп. 3, № 241), народные бытовые сказки и побасенки, собранные в Пудожском уезде Олонецкой губернии, 1986 г. (ф. III, оп. 3, № 498); биографическая повесть «Братишки» (ф. III, оп. 3, № 517); трилогия «Все ушли на фронт» (ф. III, оп. 3, № 526, 527), повесть «Бурлаки» (ф. III, оп. 3, № 529, 530, 531), автобиографическая повесть «Путь моей жизни» (ф. III, оп. 3, № 567), Двадцать шесть рассказов супругов Туруновых, «Бабушкины были», записанные в 1910—1920-х гг., рассказы, детские рассказы, юмор, смешные рассказы, 1990 г. (ф. III, оп. 3, № 582). В Архангельском музее хранится архив известного шенкурского краеведа П. И. Едемского (1862—1942) (ф. III, оп. 3, № 641), который включает следующие его работы: «Очерк экономического положения крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии», 1900 г., «Города и посады Архангельской губернии до введения и по введении городского положения», «Общественные деятели Северного края», «Хроника г. Шенкурска», «Город Шенкурск Северного края : Краткий историко-географический и статистический очерк», 1935 г.; «Очерк истории Важской области и г. Шенкурска», 1940 г. Также в музее хранятся рукопись И. М. Митягова «На память потомкам» (г. Нарва, 1979), представляющая собой воспоминания автора о своей деревенской жизни на Вытегре (ф. III, оп. 3); небольшой исторический очерк М. Мясникова «Историческое описание Ваги и Шенкурска» (ф. III, оп. 3, № 25); записи ненецкого фольклора Н. И. Сухашинского, 1935 г. (д. 28, 29); фольклорные записи 1935—1939 гг., характеристики северных художников и сказителей, сказки (оп. 1, д. 43, 53); фольклорные записи в Вельском и Шенкурском районах 1940—1950-х гг. (заговоры, частушки и старинные песни), составители Коргуз, Денисов (оп. 1, д. 118).

Среди материалов Архангельского краеведческого музея следует выделить рукописи Василия Алексеевича Сухих (1908—1973). Он составил несколько историко-этнографических очерков, которые оформились в четыре отдельные книги о Вилегодском крае.⁵⁰ Основная тематика первой книги складывается из харак-

⁵⁰ Сухих В. А. 1) Из недалекого прошлого Вилегодского народа. Кн. 1: Детские годы: (Воспоминания) (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 390, 1966 г., 301 л.); 2) Из недалекого прошлого вилегодского народа. Кн. 2 : Игры, преимущественно детские (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 378, 1963 г., 76 л.); 3) Крестьянские постройки по берегам реки Виледи : (Постройки прошлого) (Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, 378); 4) Заметки о прошлом Вилегодского народа : Материалы по (истории) этнографии района; 5) О быте Вилегодского крестьянского населения в недалеком прошлом. 1966 г., 34 л. См.: Кузнецова Е. А. Этнографические записки о Вилегодском крае В. А. Сухих // Культурное наследие Русского

терных тем подобного рода краеведческих сочинений: историческое прошлое края, родословная автора, этнографический облик края, образцы текстов местной фольклорной традиции, особенности местного говора,⁵¹ нравы и быт местных жителей. Сквозной, как правило, является автобиографическая тема. Вторая книга полностью ориентирована на известный труд Е. А. Покровского «Детские игры. Преимущественно русские».⁵²

Кроме того, среди документов, хранящихся в Архангельском краеведческом музее, особого внимания заслуживают полевые записи сотрудников самого музея: Книга рассказов экспедиции 1959 г. в Шенкурский район (ф. III, оп. 3, № 156); Отчеты сотрудников о поездке в Приморский (с. Зимняя Золотица), Холмогорский, Пинежский районы Архангельской области в 1981 г. (ф. III, оп. 3, № 210); рукопись Ю. П. Прокопьева «Труд и быт крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии в конце XIX—начале XX в.»; материалы комплексной историко-бытовой экспедиции в Шенкурский район в 1960 г. (ф. III, оп. 3, № 9).

В Архангельской областной научной библиотеке им. Н. А. Добролюбова помимо редких изданий, в которых можно найти упоминание об отдельных сказителях,⁵³ публикацию текстов,⁵⁴ в редком случае сборник текстов,⁵⁵ хранится рукописный сборник, подаренный в 1975 г. Государственным русским народным хором А. Е. Суховерховой «Сказы и песни» (№ Ф. 868692), в котором содержится песенный репертуар известной сказительницы.

В Тотемском краеведческом музее были обнаружены: Записи 1915 г. Ал. Сташиловского «Игровые песни в Вельском уезде», содержащие до 20 текстов игровых и хороводных песен и этнографическое их описание (Д. № 4)⁵⁶; Тетрадь с записями причитаний

Севера: Память и интерпретации : К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. СПб., 2009. С. 181—195.

⁵¹ Автор часто объясняет значение местной лексики. Например: «Перебор — мелководе поперек реки, песчаная или каменная грядка/ маленький порог». Или: «Курья — остатки старого русла» (л. 4).

⁵² Покровский Е. А. Детские игры. Преимущественно русские. М, 1895.

⁵³ Пономарев Б. Литературный Архангельск. Архангельск, 1966. С. 17—23 и др.

⁵⁴ Романов М. Из фольклорных записей; Попов Н. Д. Ненецкие сказки // Север. 1936. С. 116—123; 124—130.

⁵⁵ О рыбаках, морских зверобоях и охотниках : Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / Сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1952; Народное творчество Северной Двины : Старинные песни, прибаутки, детские песенки, считалки, байки, загадки, сказки, свадебные обряды / Сост. В. В. Митрофанова, Л. В. Федорова. Архангельск, 1966, и др.

⁵⁶ Указания в скобках являются в настоящее время принятым музейным шифром документа.

невесты 1915 г. Баженовой Марии Петровны из Шабенской вол., д. Жуковской (Д. № 5); Записи Н. Тюкавина «Свадьба Шуйской волости записано в дер. Жидовины» в 1916 г. (Д. № 12);⁵⁷ Записи старинных песен, сказок и бывальщин от Прасковьи Горынцевой, часть записей сделали Петр и Павел Горынцевы из д. Старый Двор в 1914 г. (Д. № 13); Этнографические записи из Шебенской вол., сделанные учительницей Стародворского училища Н. Ефимьевой в 1917 г. (Д. № 13/2);⁵⁸ Записи Вотчинской свадьбы, сделанные А. Широковым (нач. XX в.) (Д. № 20); Описание деревень Тотемского уезда, составил М. П. Попов, крестьянин деревни Митино в 1916 г. (н. а. 21);⁵⁹ Свадьба в д. Хариново, записана со слов местных жителей неизвестным собирателем (нач. XX в.) (н. а. 26); рукопись «Свадьба Тотемского уезда», запись со слов М. Матерухиной неизвестного собирателя (н. а. 1500); Сведения о поселениях чуди на берегах р. средней Сухоны близь г. Тотьмы, записал Праведников в 1921 г. (н. а. 32); Записи вечерины святочной д. Орловской и сказки (нач. XX в.) (н. а. 39—40).

Перечисленные фольклорно-этнографические материалы составляют довольно объемный корпус текстов и, как удалось установить по записям на них собирателей, некоторые были предназначены для известного вологодского краеведа М. Б. Едемского, составителя «Свадьбы в Кокшенье».⁶⁰ Следует отметить, что корреспондентами М. Б. Едемского были сельские учителя и грамотные крестьяне. Эти материалы имеют научную ценность в качестве источников при переиздании и издании трудов краеведа, а также для составления Свода русского фольклора, представляя собой фонд записей на ранней стадии собирательской работы в Тотемском крае.

К более ранним рукописям с записями фольклорно-этнографических сведений в собрании Тотемского краеведческого музея относится тетрадь В. Т. Попова «Пословицы и поговорки» 1854 г.

⁵⁷ Тюкавин Николай Львович — студент Петроградского учительского института (*Белов С. П.* История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915—1920 гг.) // Тотьма : Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 534.

⁵⁸ Ефимьева Ника Васильевна — учительница Стародворского земского училища Тотемского уезда (Там же. С. 532).

⁵⁹ Попов Михаил Павлович — крестьянин, член-корреспондент Николаевской главной физической обсерватории, д. Митино Косиковской вол. Тотемского уезда (Там же. С. 533).

⁶⁰ Едемский Михаил Борисович — директор Тотемской учительской семинарии. *Едемский М. Б.* Свадьба в Кокшенье Тотемского уезда // Живая старина 1910. Вып. 1—2. Приложение. С. 1—48; Вып. 3. Приложение. С. 49—96; Вып. 4. Приложение. С. 97—137; То же / Сост. М. А. Вавилова, С. Н. Смольникова; Отв. ред. С. Ю. Баранов. Вологда, 2002.

(н. а. 786);⁶¹ известный этнографический интерес представляют черновые наброски книги Д. А. Григорова «Тотьма и ее окрестности» (н. а. 611);⁶² книга Д. П. Осипова «Крестьянская изба на севере России» (нач. XX в., машинопись) (н. а. 41); бытовые рассказы из крестьянской жизни тотемских крестьян в записи 1925 г. неизвестного собирателя (н. а. 64); черновые записи «Словаря местного говора» неизвестного собирателя (н. а. 150); записи суеверных рассказов неизвестного собирателя (н. а. 556); а также рукопись неизвестного составителя под названием «Летопись существования г. Тотьмы» (н. а. 79).

В научном архиве музея хранятся коллекции записей краеведов, содержащие: Колыбельные песни Биряковской волости Тотемского уезда, записал Ф. Е. Малевинский, 1924 г. (н. а. 36);⁶³ наблюдения о бытовании частушек в среде молодежи Биряковской волости Тотемского уезда и записи текстов 1929, 1927, 1928 гг. Ф. Е. Малевинского (н. а. 122, 123); рукопись Ф. Е. Малевинского «Причитания и песни невесты и ее подруг в Биряковской волости Тотемского уезда», 1929 г. (н. а. 124). Там же находятся некоторые материалы краеведа В. Е. Величутина:⁶⁴ «Записки по краеведению» 1948 г., Дневник научной командировки в Матвеевский и Мосеевский с/с Тотемского района, 1951 г.; «Кокшенгские хороводные песни и припевки», 1960 г. (н. а. 703); М. Арсакова «Легенды, записанные со слов жителей Петропавловского района Череповецкого округа в 1929 г.». Отдельную коллекцию составляют материалы школьного кружка юных краеведов, действовавшего во время Великой Отечественной войны: записи частушек от школьников в военные годы (н. а. 453, 454, 489, 490); записи пословиц и поговорок, загадок, 1945 г. (н. а. 492); записи сказок, присказок, 1945 г. (н. а. 493); стихи бойцов, командиров и колхозников (н. а. 497). Эти материалы имеют некоторое историческое значение, характеризуют занятия школьников военных лет: записи выполнены на газетных и книжных клочках бумаги между строчками. К полевым записям последних десятилетий относятся материалы музейных работников, например о народных праздниках, собрала В. А. Притчина (н. а. 583, 615).

⁶¹ См. о нем: *Соболев А. И.* Почетный потомственный гражданин : (Памяти В. Т. Попова — основоположника тотемского краеведения) // Тотьма : Историко-литературный альманах / Под ред. М. А. Безнина. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 315—325 (там же литература о нем).

⁶² *Григоров Д. А.* Тотьма и ее окрестности // Там же. С. 119—287. Издание подготовил С. П. Белов, художник-реставратор.

⁶³ Малевинский Феодосий Евгеньевич — священник, законоучитель, с. Стрелица Тотемского уезда. См.: *Белов С. П.* История Тотемского отдела Вологодского общества... С. 533.

⁶⁴ О нем см.: *Соболев А. И.* Подвижник на ниве народоведения // Тотьма : Историко-литературный альманах. С. 326—331.

В Тотемской районной библиотеке нами было обнаружено множество газетных публикаций и местных малотиражных изданий по истории и этнографии края.

Дополнить системный поиск источников фольклора по Северу России можно благодаря случайным, попавшим в наше поле зрения материалам, принадлежавшим частным коллекционерам, собирателям и мемуаристам. К ним принадлежит Павел Григорьевич Сухогузов, краевед из города Ухта, который оставил записи по истории и фольклору своей «малой родины» — с. Прокопьевка Прилузского района Республики Коми. Основу «Записей о Прокопьевке» составляют воспоминания старожилов, пересказанные автором. Информанты практически всегда связывают историю поселения со своим собственным родом или, наоборот, историю семьи или свою биографию передают через призму исторических событий. Не вызывает сомнения объективность в передаче записанных «на карандаш» и переведенных на русский язык рассказов; об этом можно судить как по стилю повествований, так и по тем замечкам-пояснениям, которые при необходимости П. Г. Сухогузов помещает в скобки, сопровождая авторской отсылкой, или выделяет в особый абзац как «Замечания автора записок».⁶⁵

Во второй части воспоминаний под названием «Село Прокопьевка. Обычаи, верования, суеверия, игры, праздники, лечения» П. Г. Сухогузов приводит сведения преимущественно фольклорно-этнографического характера, содержание которых соответствует названию этой части. По рассказам более чем двадцати информантов представлены воспоминания о местных праздниках, свадебном обряде, знахарстве, развлечениях молодежи, рассказы о мифологических существах и т. п. И хотя данные материалы не дают исчерпывающей картины местного народного календаря, свадьбы или похорон, они содержат немало интересных деталей (например, в свадебном обряде: «обрядовые хулы» невесте, присказка сватов, использование прялки, ряженье).⁶⁶ Подобные свидетельства ярко характеризуют

⁶⁵ *Канева Т. С.* Краеведческие материалы П. Г. Сухогузова в контексте изучения фольклорной традиции с. Прокопьевка Прилузского р-на Республики Коми // *Славянская традиционная культура и современный мир : Личность в фольклоре : Исполнитель, мастер, собиратель, исследователь.* М., 2008. Вып. 11. С. 260—266.

⁶⁶ Экспедиционные записи СыктГУ 1990-х гг., инициированные появлением коллекции П. Г. Сухогузова, позволили дополнить комментарии краеведа относительно особенностей исполнения «рождественских» песен (место в общем песенно-игровом сценарии, порядок разыгрывания, хореография), однако зафиксировать песенный репертуар Прокопьевки в такой полноте, как это сделал П. Г. Сухогузов в конце 1970-х гг. (и лирики, и игрового фольклора), уже не удалось.

не только общественно-социальные процессы, происходившие в деревне за последние 50 лет, но и те катастрофические подвиги, которые могли произойти в традиционном крестьянском сознании.

Под воздействием новых социальных условий отношение к прошлому приобрело негативный оттенок. В связи с этим П. Г. Сухогузов приводит характерные выписки из школьных сочинений своих сельчан. На их основании можно говорить, что именно на поколении 70-80-летних оборвалось живое бытование памятников традиционной народной культуры. Поэтому материалы фольклорного сборника с. Прокопьевка представляют собой своеобразные воспоминания об устнопоэтических произведениях, скорее, уходящую память об их живом бытовании.

К жанру народных мемуаров принадлежит рукопись 1987 г. Георгия Степановича Горева (1925 г. р.) «Деревня Вилки, ее жители и их нравы», хранящаяся в Орловском краеведческом музее (без фондового номера). Воспоминания Г. С. Горева любопытны тем, что в них отражено ностальгическое чувство по утрате своей «малой родины» («Сейчас нашей деревни нет, она ликвидирована. Даже место, где стояла она, перепахано тракторами.<...> В своих воспоминаниях намерен вкратце показать жизнь деревни и отдельных ее жителей до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, так как именно этим периодом кончилось мое детство и юность, а также кончилась моя жизнь в деревне. На примере жизни нашей деревни, таким образом, примерно, складывался уклад жителей других деревень нашего района. Может быть, будет интересно знать о нашей жизни и нашим потомкам: детям, внукам, правнукам» — л. 1—3). Собственно фольклорно-этнографических материалов в очерке содержится не так много, за исключением описания некоторых детских игр, атмосферы деревенских молодежных гуляний, способов обработки льна, варки деревенского пива и т. д. — словом, того общего, что сохранила память человека о своей молодости.

Составление словарей является ярчайшим признаком перекодировки устной культуры в письменные формы. Различного рода словари, словники, лексиконы представлены в разных жанровых формах, но, несомненно, их объединяет одно — стремление показать свое отличие от нормативного общерусского литературного языка и других диалектов.

Наиболее примечательным трудом местных краеведов является «ПомОрьска говОря : Краткий словарь поморского языка» И. И. Мосеева.⁶⁷ Автор этого издания попытался придать зна-

⁶⁷ Мосеев И. И. ПомОрьска говОря : Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

чимость своей книге, поместив вначале положительные отзывы на нее «своих» рецензентов.⁶⁸ Статья «От автора», состоящая из нескольких небольших главок,⁶⁹ начинается с пафосного вступления («Трудно не восхищаться гармонией природы и человеческого духа, создавшего неповторимую культуру нашего Поморья. Величественная красота поражает каждого, кто попадает в настоящую поморскую глубинку, будь то Онега, Вага, Двина, Пинега, Кулой, Мезень, Лешуконье или другая поморская сторона. Бескрайние лесные дали...»)⁷⁰

В Словаре, по словам составителя, «содержится попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения».⁷¹ В обращениях к детским воспоминаниям можно усмотреть один из главных мотивов, побудивших автора к сбору лексического материала. Именно «память детства» является одним из деятельных рычагов в механизме саморефлексии традиции.

В этой попытке языковой самоидентификации можно усмотреть целеполагание трудов тех, кто осознанно участвует в этом процессе. Поэтому автору важно отметить, в чем заключается разница между его собственным трудом и другими подобными трудами.⁷²

В механизме саморефлексии традиции важно осознание главных ценностных ориентиров. Так, в главке «Восстанавливаем

⁶⁸ Это заметки П. А. Есипова, руководителя Национально-культурной автономии поморов Архангельской области, «О проекте», где декларируется, что «настоящий проект — попытка осмысления самими поморами основ языка своего народа ради его сохранения»; «Историко-этнографический этюд о поморской общности» В. Н. Булатова, д-ра ист. наук, проф. Поморского университета; Н. М. Теребихина, д-ра ист. наук (кстати, философских наук. — *А. В.*) под названием «Ученые о поморах» (с. 5—7), где нет ни слова об этом издании (Там же. С. 4, 5—7).

⁶⁹ Память детства. О словаре. Ценно только подлинное. Восстанавливаем родную речь. Словарь — наша лоция. О мироощущении поморов. Древние корни говОри (Там же . С. 8—33).

⁷⁰ *Мосеев И. И.* ПомОрьска говОря. С. 9.

⁷¹ Там же. С. 10.

⁷² «Зачем нам сегодня нужен „Краткий словарь поморского языка“ — разве мало издано и издается диалектических словарей, написанных учеными? Есть ведь оригинальный „Поморский словарь“ К. П. Гемп, словарь „Живая речь кольских поморов“ И. С. Меркурьева, издается прекрасный многотомный „Архангельский областной словарь“ О. Г. Гецовою — разве этого недостаточно? Такие вопросы мне задавали не раз, но я неизменно отвечал, что „Краткий словарь поморского языка“ вовсе не повторяет другие словари, у него другое предназначение, иная концепция и философия. Его основное отличие в том, что это не академическое издание и в его составлении участвуют не ученые, а сами коренные жители Поморья, увлеченные родной говОрей. Такого словаря еще не было» (Там же. С. 13).

родную речь» уже декларируются настроения политической и культурной самоорганизации поморов.

Что касается самой словарной статьи, то она состоит из собственно лексемы (существительное в именительном падеже или глагол в инфинитиве), ее значения и употребления в контексте предложения или смысловой фразы.⁷³

Обратим внимание на несовершенство составления словарной статьи. Во-первых, приводится только одно лексическое значение слова в единственной словоформе (например, зафиксированное в «говОре» слово «впрохОдку — мимо, не заходя» является явно производным от слова «впроход» (ср.: Архангельский областной словарь. М., 1987)).

В конце словарного корпуса составитель приводит несколько текстов сказок с переводом их на литературный русский язык. Правда, вопрос об аутентичности публикуемых текстов «на говОре» остается открытым, не говоря даже о том, что там нет указания на источник — от кого, где и когда были записаны тексты составителем.

Подобные же опыты составления словарей мы встречаем у других местных любителей и краеведов. Одну из таких жанровых разновидностей представляет книга Платона Алексеевича Худякова «Говор и быт Мало-Пинежья»,⁷⁴ которая состоит из собственно словаря местных слов и мемуаров составителя. «Главным же источником для словаря, — говорит автор, — послужила собственная память, крепко и детально зафиксировавшая всех людей, окружавших меня в детстве и ранней юности, их говор, их действия и события. И за многие годы пенсионных раздумий, обращения в далекое прошлое, — память выдала все, что знал о своей Малой Родине».⁷⁵ В словарных статьях Худяков иногда допускает развернутое историческое комментирование того или иного персонажа мифологии. По большей части собранная им лексика представляет собой хозяйственно-бытовой и эмоционально-экспрессивный слой местного словарного фонда, местные названия рек, урочищ и т. п. Часто в словарной статье приводятся в качестве примера суеверные рассказы, былички в форме народного мемората и исторического предания в пере-

⁷³ Например: АБИк — выступающая из-под воды верхушка большого подводного камня (У баклАнця аБИк вЫголить) (см.: баклАнец, вЫго-лить). См.: *Мосеев И. И.* ПомОрьска говОря. С. 8.

⁷⁴ Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3; П. А. Худяков «Говор и быт Мало-Пинежья», 1978 г. (машинопись). П. А. Худяков — уроженец д. Горка б. Сольвычегодского у. Вологодской губ. Горьковской вол., по новому административному делению: Верхне-тоемского р-на Архангельской обл.

⁷⁵ Архангельский областной краеведческий музей, ф. III, оп. 3, л. 19.

сказе составителя.⁷⁶ Во введении к книге и словарных статьях составитель склонен к наивным этимологическим выводам, поэтому он высказывает характерные методологические положения: «Поскольку народный язык отражает духовную и производственную деятельность народов во времени, анализ старого местного говора, развивавшегося столетиями изолированно от внешнего мира, предоставляет возможность судить о происхождении первопоселенцев, основоположников местного говора, заселивших на заре колонизации Севера этот удаленный Пинежский край».⁷⁷

Одну из главных целей своего труда составитель видит в том, чтобы сохранить «память для грядущих поколений о жизни небольшой обособленной группы древнего русского народа — для сравнения и поучения».⁷⁸

Ряд составленных краеведами словарей местного говора, топонимических лексиконов, словарей местных фамилий можно продолжить публикациями А. В. Кузнецова «Язык земли Вологодской : Очерки топонимики»; «Корни тотемских фамилий»; «Сухона от устья до устья : Топонимический словарь-путеводитель»;⁷⁹ Н. Ф. Аннина «Словарь каргопольского говора»⁸⁰ и множеством газетных статей местных авторов в районных «малотиражах».

Определенный научный интерес представляет «Словарь своеобразных слов в народном говоре Устьянской—Дмитриевской волости».⁸¹ Словарь — это не просто сборник диалектной лек-

⁷⁶ «Много суеверий было связано с существованием рядом с людьми другого невидимого мира, мира нечистой силы, которая нет-нет да и проявит себя в отношении отдельных нарушителей неписанных правил поведения» (Там же, л. 81).

⁷⁷ Там же, л. 8.

⁷⁸ Там же, л. 4.

⁷⁹ Кузнецов А. В. 1) Язык земли Вологодской : Очерки топонимики. Архангельск, 1991; 2) Корни тотемских фамилий. Тотьма, 1998; 3) Сухона от устья до устья : Топонимический словарь-путеводитель : Летопись русской провинции. Вологда, 1994.

⁸⁰ Аннин Н. Ф. Словарь каргопольского говора / Предисл., ред., прилож. О. В. Онучиной, Н. И. Решетникова М.; Каргополь, 2001. Изданию присущи все характерные недостатки провинциальных публикаций, несмотря на то что составители и редакторы книги включили в приложение фрагменты выступлений на Пятой науч. конф., организованной Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником в 1999 г.

⁸¹ РО ИРЛИ, кол. 66 (Романов), п. 5 (М. И. Романов. Словарь Устьянских говоров : Народные говоры по реке Устья. Устьянский, Вельский и часть Черевковского района. Словарь А и Б и т. д. Рукопись поступила 1986 г. № 52), 338 с. Включает также: 1. Добавление «Список мужских и женских имен, в народном произношении Устьянских волостей» (с. 339—347);

сики, это еще и попытка с помощью анализа местных речений, топонимов ответить на коренные исторические вопросы о происхождении славянского населения Устья, о путях и роли новгородской и ростовской колонизации края и даже о том, как воспринимало средневековое население Устья микрокосм и мир в целом.⁸²

Таким образом, Словарь местного говора, составленный краеведом или любителем старины как сложившийся книжный жанр, становится одним из важных источников в фольклористических исследованиях.

Обратим внимание еще на один аспект в собирательской практике краеведов и любителей. Это — чрезвычайно распро-

2. Очерк М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области». Пежма, 1950.

⁸² Структура словарной статьи: «А — неопределенная частица, с которой часто начинается разговор. А! — ага! Ну! Ври она што! А? — что? Абу — нет (коми абу — нет), употребляется для усиления отрицания. — Дай покурить — Абу, нет!»;

«Алатырь камень — встречается в фольклоре, особенно в заговорных словах, например: На синём мори-окияне/ на том острове на буяне... (с отсылкой на Фольклор Устья. — А. В.). Это заговорное слово несомненно обращено к древнему божеству зари. Поэтому, вероятно, происхождение названия этого камня от корня ал, алый — алый заревой. От него же существительное алость, алота и алотынь (см. дальше). Последние — превосходная степеня лости, зарёвости. Это предположение находит опору в яферических (?) языках. Гурейское алион — заря. Абхазское танча — тча — атча — женская ипостась солнца». В качестве отдельной словарной статьи представлена, например, такая: «Бабушка Соломонидушка, Христова повиваленка — персонаж из заговорных слов, употребляемых главным образом при родах. Из заговоров видно, что ей подчинялась „зверина силушка“. Древним прототипом ее была, всего вероятнее, богиня земли Земляница, Землянушка: Бабушка Соломонидушка, / Христова повивалёнка/ Сидит на золоте стуле/ Дёржыт камфарной блюдо/ На том блюде — золоты ключи/ Отпират она ими святые ступеньци...». Или следующая статья: «Бай, байки, баеньки, баю, баюшки — в колыбельных песнях: Баю-бай, баю-бай,/ Байки — баюшки — побай/ Спи-ко Ваня усыпай, / Со анделами, / Со арханделами... (из колыбельной песни)». Или представляющая краткую характеристику одного из свадебных ритуалов: «Баня невесты последнее перед свадьбой мытьё невесты в бане, со многими заговорными словами и специальными магическими обрядами». Или слова с попыткой этимологического анализа: «Барабать — лапать, хватать голыми руками (шв. Ваг — голый, гарр — удар); Баракша (нижнеустьянское) — дикий, неотёсанный. (Эка баракша дикая) (зап.-фин. Раггакас бородатый)». Или объяснение слов из словаря фольклора: «Бедно — обидно, горько. Бедно стало до слёз/ Бедно мне да забедно, / Бедно показалось... (из причета)». Или мифологические объяснения: «Божья дуга — радуга. Собственно говоря, радуга-дуга была Перуна, а так как наследником Перуна в христианстве был Илья пророк, то радуга считается дугой Ильи пророка». Как правило, Романовым приводится только одно грамматическое значение слова и его толкование.

страненное в настоящее время составление фамильных родословных. Часто они носят чисто документальный характер и выражены в виде графической схемы.⁸³ Иногда этот жанровый вид воплощается в историческом сочинении, включающем бытовые рассказы, семейные легенды, воспоминания и проч.⁸⁴ И в этом отношении они представляют для фольклористов определенный интерес.

Краткий обзор хранящихся в краеведческих музеях фольклорно-этнографических и историко-краеведческих материалов позволяет составить представление о количестве, жанровом составе, репертуаре, принципах фиксации, их аутентичности, именах собирателей и основных целях собирания. Фондирование и опись этого солидного корпуса документов в настоящее время пока не соответствует даже простым правилам архивохранения и оставляет желать лучшего. Большинство документов сами по себе как будто не представляют серьезной научной ценности вне контекста с другими материалами и записями, сделанными профессиональными фольклористами и этнографами в той же местности. Поэтому попытка ввести историко-этнографические сведения и документы, хранящиеся в провинциальных музеях, в научный оборот чрезвычайно затруднена, а имеющиеся опыты (в большинстве своем неудачные) использования музейных материалов можно оценить в той или иной мере, обратившись к местным (в том числе областным) изданиям краеведческих сочинений.

Рамки настоящей статьи не позволили дать развернутую характеристику всех жанровых разновидностей фольклорно-этнографических материалов, хранящихся в местных хранилищах и зафиксированных в результате архивной полевой работы во время экспедиций.

Введение их в научный оборот является актуальной задачей академической фольклористики в свете решения проблем по созданию Свода русского фольклора. Несомненно, обращение к таким сложным по характеру источникам позволяет поставить ряд новых теоретических проблем на современном этапе развития отечественной науки. Прежде всего это связано с выявлением новых имен собирателей, характеристикой их фольклористической деятельности на местах и с их ролью в национально-культурной самоидентификации общества.

⁸³ Примером может служить «Родословная крестьян Золотицкой волости Зимнего Берега Белого моря», составленная краеведом В. А. Точиловым (см. цифровую копию в материалах фольклорной экспедиции 2008 г. ИРЛИ РАН).

⁸⁴ Например, *Коробейников Г. А.* Наша родословная Архангельск, 2008. (Собственное издание в 10 экз.).